

И.М. Эрлихсон

**АНГЛИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ XVIII В.
В СВЕТЕ НАРРАТИВНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ
(«ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ»
М. ДАЛТОНА И «НЬЮГЕЙТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ»)**

I.M. Erlihson

**ENGLISH CRIMINAL JUSTICE IN THE 18TH CENTURY
IN THE LIGHT OF NARRATIVE JURISPRUDENCE
(MICHAEL DALTON'S COUNTRY JUSTICE AND
THE NEWGATE CALENDAR)**

Аннотация. Автор обращается к проблеме реконструкции английской уголовно-исполнительной практики XVIII в. с применением междисциплинарного подхода и принципов нарративной юриспруденции. В свое время историки права описали систему уголовного законодательства Англии XVIII столетия в рамках политико-юридического подхода, более чем на сто лет задавшего оценочную парадигму для последующих поколений исследователей. Исключение из предметного поля исследования исторического контекста вело к упрощению правового дискурса рассматриваемой эпохи. Нарративная юриспруденция, относительно новое направление в философии права, представляет собой особый способ осмысления права, исходящий из того, что оно конструируется из историй, представленных в публичном виде. Ее методология позволяет рассмотреть проблему с точки зрения различных участников дискурса о противодействии криминальной активности, связать в единое целое правовые коммуникативные практики эпохи. В качестве аутентичного источника выбран популярный в профессиональных кругах справочник мирового судьи из Кембриджа Майкла Далтона «Государственное правосудие с описанием практики, обязанностей и полномочий мировых судей во время сессий и вне оных». Оригинальным

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; профессор кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

Erlihson Irina Marikovna, Doctor of History, Professor, Department of General History and International Relations, Institute of History, Philosophy and Political Science, Yesenin Ryazan State University; Professor, Department of Social Psychology and Social Work, Academy of Federal Penitentiary Service of Russia

+7-910-642-46-40; i.erlihson@365.rsu.edu.ru

новаторством судьи Далтона стал алфавитный порядок судебных прецедентов по вопросам, относящимся к юрисдикции мировых судей, — дороги, штрафы, налоги, оружие, мятежи и разбой и пр. Подобный принцип организации отличается от более поздних канонических описаний английской правовой системы, составленных У. Блэкстоном и Дж.Ф. Стивенем. Репрезентация историко-культурного контекста, в котором «вызревал» «кровавый кодекс» и усложнялся правовой тезаурус, базируется на уникальном алфавитном справочнике криминальных биографий арестантов знаменитой лондонской тюрьмы — «Ньюгейтском календаре». С опорой на компаративно-аналитический метод автор данной статьи сопоставляет категорию из разряда felonies «взлом» с точки зрения ее трактовки в соответствующих главах «Государственного правосудия» и криминальной биографии, где подробно описываются обстоятельства совершения соответствующего преступления, а также ход судебного процесса над конкретной персоналией.

Ключевые слова: Англия XVIII в., уголовное правосудие, «кровавый кодекс», М. Далтон, мировые судьи, Ньюгейтский календарь, фелония.

Abstract. The author deals with the problem of reconstruction of English penal practice in the 18th century and applies the interdisciplinary approach and the principles of narrative jurisprudence. Legal historians, who long ago described the criminal law system of the 18th-century England within the framework of the political-legal approach, set the paradigm for generations of scholars for more than a hundred years. The exclusion of the historical context from the study led to a simplification of the legal discourse of the period in question. Narrative jurisprudence, a relatively new trend in the philosophy of law, is a special way of thinking about law, based on the fact that it is constructed from stories presented in a public form. Its methodology makes it possible to examine the problem from the perspective of the various actors in the discourse on countering criminal activity and to link together the legal communicative practices of the period. The author chooses the handbook titled *The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of the Justices of the Peace, As Well In As Out of Their Sessions* by Michael Dalton, a judge from Cambridge, as an authentic source, which was popular in professional circles. Dalton introduced an alphabetical ordering of court precedents on matters within the jurisdiction of justices of the peace, i.e. roads, fines, taxes, arms, rebellion and robbery, etc. This arrangement differs from the later descriptions of the English legal system compiled by W. Blackstone and J.F. Stephen. The representation of the historical and cultural context, in which the Bloody Code “matured” and the legal thesaurus developed, is based on a unique alphabetical guide to the criminal biographies of the prisoners of the famous London prison, the *Newgate Calendar*. The author of this article examines such a felony as “burglary” by comparing its treatment in the relevant chapters of *The Country Justice* and the *Newgate Calendar*, which details the circumstances of the relevant crime and a particular individual’s trial.

Keywords: 18th-century England, criminal justice, Bloody Code, M. Dalton, justices of the peace, *Newgate Calendar*, felony.

Английское уголовное правосудие XVIII в. завоевало примечательное реноме равно как юридического, так и социально-культурного феномена, которое праведы наградили дисфемизмом «законодательство кровавого кодекса» В 1863 г. судья Верховного суда Великобритании сэра Джеймс Стивен, оценивая систему уголовного права предшествующего столетия, охарактеризовал ее как «тощую и покрытую морщинами», а законодательство назвал «самым нелепым, самым безответственным и самым жестоким, которое позорило цивилизованную страну»¹.

В 1865 г. сочинение Дж. Стивена появилось в русском переводе² и было высоко оценено отечественными юристами и историками права XIX — начала XX в. И.Я. Фойницким, М.А. Филипповым, А.Ф. Кистяковским, С.О. Богородским, заложившими методологические основы исследования английского уголовного права и процесса и классического курса истории государства и права зарубежных стран. «Эти, несомненно, выдающиеся и талантливые юристы и праведы, на десятилетия “проложили колею” для отечественных историков права, занимающихся изучением пенитенциарных преобразований, из которой современному историку не так просто выбраться»³.

Интересно, что в советское время изменились идеологические оценки уголовного права «буржуазных государств», в то время как круг источников существенно не изменился, по-прежнему включая труды отечественных классиков XIX в. и переводы таких корифеев, как У. Блэкстон, И. Бентам, Дж. Стивен. Современные отечественные историки права, изучающие европейское уголовное законодательство XVIII–XIX вв.⁴, значительно расширили круг привлекаемых оригинальных англоязычных источников, но так и не смогли преодолеть влияние государственно-правового подхода в своих оценках. Господствующая нормативистская концепция правопонимания превращает историю рассматриваемой эпохи в историю норм, санкций, зако-

¹ *Stephen J.F.* A General View of the Criminal Law of England. London; Cambridge, 1863.

² Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц-Стивена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865.

³ *Васильева С.А., Эрлихсон И.М.* «Новая культурная история» (о перспективах методологии «интеллектуальной истории» и «истории социальных практик» в междисциплинарных историко-пенитенциарных исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 51.

⁴ См. например: *Тепляшин П.В.* Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование). Дисс. ... доктора юрид. наук. Красноярск, 2018.

нов и постановлений, исключая из предметного поля исследования *исторический контекст*, что ведет к упрощению правового дискурса рассматриваемой эпохи. А для того, чтобы преодолеть стереотипы в оценке эпохи «кровавого кодекса» необходимо изучать не только и не столько законодательство эпохи, сколько практику его применения.

Почти сорок лет назад выдающийся историк-медиевист, самый яркий представитель третьего поколения школы «Анналов» Жак ле Гофф в статье «Является ли все же политическая история становым хребтом истории?»⁵ обозначил истоки новой, антропологически ориентированной, событийной истории. «Современное гуманитарное знание, переосмысливая социальную реальность, предлагает “переопределить общество” и рассматривать его как систему, состоящую из конкретных людей и из отношений между ними»⁶.

С антропологическим поворотом связано появление нарратологии, сложившейся в 1960–1970-х гг. и к началу XXI в. превратившейся в фундаментальное направление гуманитарных научных исследований. Исключительно широкая трактовка понятия «нарратив», под которым понимаются «повествовательные произведения любого жанра и функциональности» и «главная форма упорядочения и осмысления окружающего мира»⁷, привела к тому, что в последние десятилетия редкая социально-гуманитарная дисциплина избежала внимания нарративистов.

«Нарратологическое осмысление человеческого бытия, зародившееся в области поэтики, вышло далеко за ее пределы — в сферы историографии и когнитивистики, публицистики и религиозной практики, рекламы, бизнеса и повседневного разговора, новостных, политических, юридических, психоаналитических, медицинских и иных форм институционального общения»⁸. За минувшие десятилетия к нарративу как к методологическому ориентиру обращались не только лингвистика и литературоведение, но и социология, педагогика, психология, теория коммуникации и даже право. В монографии американского правоведа Джеймса Бойда Уайта «Правовое воображение» (1973) были изложены и методологически обоснованы программные положения нового направления, обозначенного автором как «нарративная юриспруденция».

⁵ Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 177–192.

⁶ Дроздова А.В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре. Дисс. ... доктора культурологии. М., 2017. С. 6.

⁷ Мамуркина О.В. Теория нарратива в современном литературоведении // Царскосельские чтения. 2011. № XV. Т. III. С. 227.

⁸ Тюпа В.И. На пути к исторической нарратологии // Новый филологический вестник. 2020. № 3(54). С. 35.

«Изучение юридических нарративов, правовых историй и историй тех, кто населяет мир права и юристов, является частью широкомасштабного, продолжающегося интеллектуального движения, поворота: к интерпретации, прагматике и стратегиям чтения и письма, литературному критицизму, поэтике, речевому общению и голосу, риторике и перформативным навыкам, полу и расе, культуре и культурологии»⁹. Критикуя классические правовые теории, Дж.Б. Уайт определял право как искусство, которое является процессом равно творческим, созидательным и интерпретационным, а также как язык, представляющий собой не просто совокупность терминов и речевых оборотов, а образ мыслей и предположений, — то, что можно назвать культурой. В работах профессора права Университета Западной Виргинии Дж.Р. Элкинса нарративы рассматриваются как средства, при помощи которых индивид воспринимает, мыслит и понимает право. «Нарративы выражают риторическую составляющую права, его темпоральность, контекстуальность, зависимость от интерпретации и, следовательно, связь с каждым конкретным субъектом, его “переживающим”»¹⁰.

Из обозначаемых Дж. Элкинсом четырех направлений, в рамках которых можно размышлять об изучении нарративной юриспруденции, актуальным для настоящего исследования представляется первое. Оно обозначено как «правовое повествование»: каким образом и где истории становятся значимыми для юристов и судей? В каком смысле юрист и судья являются повествователями?¹¹

В настоящем исследовании представлен компаративный анализ двух уникальных источников — справочника для мировых судей «Государственное правосудие» М. Далтона и коллекции криминальных биографий «Ньюгейсткий календарь».

Первый источник — популярный в узких профессиональных кругах, но практически не известный в отечественной историографии справочник для мировых судей, составленный в 1618 г. мировым судьей из Кэмбриджа Майклом Далтоном. До 1746 г. справочник выдержал более десяти переизданий¹², т.е. выходил не реже одного раза в десятилетие, что свидетельствует не только о его популярности, но и об удобном функционале применения.

⁹ Элкинс Дж. В чем суть нарративной юриспруденции? // Правоведение. 2011. № 6. С. 196.

¹⁰ Самохина Е.Г. Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6. С. 193.

¹¹ Элкинс Дж. Указ. соч. С. 201.

¹² “The country justice: containing the practice of the justices of the peace... by Michael Dalton” переиздавалось в 1630, 1635, 1655, 1666, 1677, 1682, 1690, 1697, 1715, 1727, 1742, 1746 гг.

Трактаты, посвященные обязанностям должностных лиц, стали появляться в Англии уже с начала XVI в. Хелен Халл, специалист по культуре английского Ренессанса, объясняет это так: «Хорошо известно, что гуманисты активно обсуждали вопросы управления и настаивали на широком участии в нем общества как ключе к реализации принципа “общего блага”. Классические работы, такие как “Об обязанностях” М.Т. Цицерона цитировались и пополняли каталог гражданских добродетелей, необходимых для искусства управлять...»¹³.

Очевидно, что общественный интерес англичан к вопросам государственного управления был своего рода реакцией на циркулирующие с середины XVI в. в интеллектуальном пространстве республиканские идеи. Историографический пласт исследований о специфике английского республиканизма раннего Нового времени довольно широк, да и эта проблематика выходит за рамки данного исследования. Отметим лишь, что в ряде авторитетных работ подчеркивается исключительно важная роль магистратов в тюдоровской и раннестюартовской Англии, именуемой «монархической» или «непризнанной» республикой¹⁴.

Рост числа трактатов, адресованным должностным лицам, также был следствием развития книгопечатания и профессионализации юриспруденции. Для более эффективного исполнения должностных обязанностей магистраты предпочитали опираться на стандартизированные справочники с четкими инструкциями, как необходимо действовать в той или иной ситуации. «Избранные из местного джентри редко обладали знаниями в области права и нуждались в письменном руководстве... В течение XVI столетия появились как минимум пятьдесят изданий четырех трактатов об обязанностях мирового судьи»¹⁵.

Так, в 1506 г. свет увидела анонимная «Книга мировых судей», ошибочно приписываемая знаменитому юристу и судье сэру Энтони Фицгерберту, автору двух фундаментальных трудов, один из

¹³ Hull H.L. “Lowe and lay ministers of the peace”: the proliferation of office holding manuals in early modern England // Renaissance papers. Published for the Southeastern Renaissance conference / Ed. by C. Cobb. New York, 2009. P. 41.

¹⁴ Collinson P. The monarchical republic of Elizabeth I // Bulletin of the John Ryland University library of Manchester. 1987. N 69 (2). P. 394–424; Goldie M. The unacknowledged republic: officeholding in early Modern England // The politics of the excluded, 1500–1800 / Ed. by T. Harris. New York, 2001. P. 153–194; The monarchical republic of Early Modern England: essays in response to Patrick Collinson / Ed. by J.F. McDiarmid. Burlington, 2007.

¹⁵ Boyer L.M. The justice of peace in England and America from 1506 to 1776. A bibliographic history // The Quarterly Journal of the Library of Congress. 1977. Vol. 34. N 4. P. 316.

которых был переведен с латыни на английский и напечатан в 1538 г. Далее следуют «Иринарх» У. Ламбарда, мирового судьи из графства Кента, и руководство Р. Кромптона, представлявшее переработку «Новой книги мировых судей» Э. Фитцгерберта¹⁶. С расширением объема обязанностей и властных полномочий мировых судей в XVII–XVIII столетиях росло и количество изданий, регламентирующих различные аспекты осуществления их юрисдикции¹⁷. Справочное издание М. Далтона «Государственное правосудие»¹⁸ не без оснований признается одним из самых знаменитых и влиятельных.

Несмотря на то, что руководство М. Далтона довольно часто упоминается в разных контекстах, касающихся эволюции англо-американской правовой системы¹⁹, исследований, где бы анализировалось его содержание, относительно немного²⁰. О биографии М. Далтона известно очень мало. В статье «Национального биографического словаря» сообщается, что он был сыном Томаса Далтона из графства Кембриджшир, был дважды женат, входил в состав комиссии мирового суда, после 1648 г. стал членом комиссии по конфискации имущества. В 1631 г. он был оштрафован на 2 000 фунтов ст.

¹⁶ *The Boke of Justices of Peas* (1506); *Fitzherbert A. La Graunde Abridgement* (1514); *Fitzherbert A. L'Office et Auctorite de Justices de Peace* (1514); *Fitzherbert A. The New Boke of Justices of Peas* (1538); *Lambarde W. Eirenarcha: or the office of the Justices of peace* (1581); *Crompton R. L'Office et Auctoritie de Justices de Peace* (1583).

¹⁷ *Sheppard W. A Sure Guide for his Majesties Justices of Peace* (1649); *Bond J. Complete Guide for Justices of Peace* (1683); *Keble J. An Assistance to Justices of Peace* (1683); *Nelson W. The office and authority of a Justice of peace* (1704); *Blackberby S. The Justice of Peace his Companion* (1711); *Shaw J. The Practical Justice of Peace* (1728); *Burn R. The Justice of Peace and Parish Officer* (1755).

¹⁸ *The Country Justice: containing the practice, duty and power of the justices of the peace, as well in as out of their sessions by Michael Dalton of Lincoln Inns, Esq...* London, 1746 (далее — *The Country Justice*).

¹⁹ *Boyer L.M.* Op. cit.; *Hull H.L.* Op. cit. P. 37–55; *Grundy G.B.* *Saxon Oxfordshire: charters and ancient highways* // *Oxfordshire Record Series*. 1933. P. 126; *Gretton M.S.* *Oxfordshire justices of the peace in the seventeenth century* // *Oxfordshire Record Series*. 1934. P. 126; *Flaherty D.H.* *Criminal Practice in provincial Massachusetts* // *Law in colonial Massachusetts 1630–1800. A conference held 6–7 November 1981* / Ed. by D.R. Coquillette. Boston, 1984. P. 357–360; *Shaw P.* *Suffering and Sentiment in Romantic Military art*. Routledge, 2016; *Gaskill M.* *Witchcraft and Evidence in Early Modern England* // *Past and present*. Feb., 2008. N 198. P. 33–70.

²⁰ *Michael Dalton* // *Shaping the Common Law: From Glanvill to Hale, 1188–1688. Essays by Thomas Garden Barnes* / Ed., introd. by A.D. Boyer. Stanford, 2008. P. 136–151; *Shapiro B.J.* *Beyond “Reasonable Doubt” and “probable Cause”: Historical Perspectives on the Anglo-American law of evidence*. University of California Press, 1991; *Putnam B.H.* *Early treatises on the practice of the justices of the peace in the fifteenth and sixteenth centuries*. Oxford, 1924; *Putnam B.H.* *Sixteenth-Century Treatises for Justices of the Peace* // *The University of Toronto Law Journal*. Vol. 7, N 1. P. 137–146; *Шкиль М.Д.* *Мир и его нарушение в трактате Майкла Далтона «Мировой судья»* // *Материалы XL всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения»* (9–11 ноября 2020 г.). СПб., 2021. С. 177–188.

за то, что позволил своей дочери Дороти выйти замуж за ее дядю по материнской линии, сэра Джайлза Аллингтона, однако впоследствии штраф был отменен. Умер Далтон между 1648 и 1655 гг.²¹

Весьма любопытным, по свидетельству биографов Далтона, является предположение об отсутствии у него специального профессионального образования: «Далтон скорее всего не был юристом и никогда не входил в профессиональные адвокатские корпорации (Inns of Court)», — пишет Л. Бойер²². Вопрос остается открытым. На титульном листе «Государственного правосудия» значится следующее: «составлено М. Далтоном из Линкольн-Иннз, *эсквайром и магистром Каницлерского суда*», а в обращении, посвященном сэру Джеймсу Ли, королевскому адвокату Палаты феодальных сборов, Далтон именуется «давним, но бесполезным (unprofitable) членом уважаемого сообщества» [Линкольн-Иннз]. Между тем фамилии Далтона нет в соответствующем перечне, составленном британским ученым-архивистом Т.Д. Харди²³.

В настоящее время исследователи в открытом доступе могут ознакомиться с полнотекстовыми версиями «Государственного правосудия» от 1666, 1690 и 1746 гг. Каждое новое издание увеличивалось в объеме, что было обусловлено как разрастанием законодательного корпуса, так и накоплением прецедентной практики. В данном исследовании мы привлекаем последнюю версию, так как именно она максимально часто использовалась практиками эпохи «кровавого кодекса». Несмотря на то что в содержательном плане она довольно далека от оригинальной версии 1618 г. в силу хронологического разрыва, но в структурном представляется наиболее целостной и удобной для практического применения и потому соответствующей первоначальному замыслу Далтона. Текст автора помечен литерой *D*, таким образом, можно не только вычленив оригинал, но и отследить изменения. Книгу предваряют два обращения. В первом, адресованном сэру Генри Монтагю, Лорду Главному судье по общим тяжбам, Далтон пишет: «После того как я, будучи призванным служить справедливости, провел много лет, изучая законы этого государства в должности судьи, я счел недостаточной опорой лишь на прецеденты и указания прошлых лет и решил представить обзор новых случаев, которые ежедневно случаются в моей практике, что поспособствует лучшему исполнению должностных обязанностей»²⁴.

²¹ Dalton, Michael // Dictionary of National Biography, 1885–1900. Vol. 13 / Ed. by L. Stephen. London, 1888. P. 435–436.

²² Boyer L.M. Op. cit. P. 317.

²³ A catalogue of lords chancellors, keepers of the great seal, masters of the rolls, and principal officers of the High Court of Chancery / Ed. by T.D. Hardy. London, 1843.

²⁴ To the Right Honorable Sir Henry Montague // The Country Justice.

В списке сокращений указаны авторы, к трудам которым апеллирует Далтон, — это признанные авторитеты в области юриспруденции Э. Фицгерберт, У. Кок, Г. Финч, Ф. Бэкон, У. Ламбард, Т. Кромптон. Свою задачу Далтон видит в том, чтобы, не касаясь дел, разбираемых на квартальных сессиях, помочь тем мировым судьям, которые хотя и незнакомы с трудами достопочтенных авторов, но «хотят преуспеть в усердном служении на благо страны», разобраться в статутах, количество и содержание которых меняется и запутывается с каждым новым парламентским актом: «Я постарался излагать материал со всевозможной краткостью и ясностью со ссылками на выдержки из соответствующих статуты, чтобы читатель мог обратиться к ним и узнать, что надо делать в том или ином случае между квартальными сессиями»²⁵.

«Источник представляет собой компиляцию нормативно-правовых актов, представленных в виде собраний статуты и прецедентов в сочетании с объяснениями основных концептов, которые фигурируют в дальнейшей практической части»²⁶. Информация структурирована в виде нескольких содержательных блоков. Первый представлен таблицей действующих статуты, регулирующих деятельность мировых судей по годам правления королей, в трех колонках содержатся сведения о том, когда был принят соответствующий акт, номер главы цитируемого статута и номер соответствующей главы «Государственного правосудия», в которой Далтон ссылается на документ.

Самый объемный блок состоит из 196 глав, охватывающих типы дел и правонарушений, в которых мировой судья мог осуществлять правосудие в соответствии со статутным правом. В первых шести главах Далтон дает краткий исторический экскурс института мировых судей и характеристику их полномочий между квартальными сессиями. В последующих частях автор останавливается также на процедуре исполнения мировыми судьями своих обязанностей: арест, опознание, освидетельствование, выдача ордеров и предписаний.

Большинство вопросов, комментариев и оценок вызывает построение основной содержательной части — описания правонарушений и разъяснения назначаемых санкций. М. Далтон не отказывается от классической триады: *treason / felony / misdemeanor* (государственная измена / уголовное преступление / мелкое правонарушение) — норм общего права, сложившихся в Англии со времен средневековья. Опираясь на труды предшественников, статутное

²⁵ Ibidem.

²⁶ Шкиль М.Д. Указ. соч. С. 178.

право и судебные прецеденты, он перечисляет признаки, наличие которых позволяет квалифицировать деяние как вид фелонии — особо тяжкого уголовного преступления, которым посвящена та или иная глава. Причисляя конкретное правонарушение к категории фелоний (например, непредумышленное убийство (*manslaughter*), кража (*larceny*) и др.) автор (и последующие редакторы) дают подробный комментарий оснований для того, чтобы квалифицировать правонарушение как фелонию, отсылку к статутам или прецедентам.

Беспорным новаторством справочника стал алфавитный порядок структурирования возможных видов малозначительных преступлений — мисдиминоров и правонарушений, наказывавшихся лишь взысканием причиненного ущерба в гражданском порядке. Более ста глав включают нарушения от таковых в питейных заведениях (*alehouses*) до оскорблений (*evil words*) и рекомендованные санкции. Подобное расположение материала позволяло редакторам последующих изданий вставлять новые главы в соответствии с возникающими прецедентами и новыми статутами. Так, к примеру, глава «О каретах, повозках, телегах» базируется исключительно на обзоре статуты, принятых после Славной революции 1689 г. В качестве дескрипторов выступают слова, обозначающие область правонарушения, требующего вмешательства мирового судьи. Поражает степень детализации, с которой описываются нюансы, касающиеся ловли и продажи рыбы, изготовления и реализации мясомолочной продукции, посещения церкви, параметров суконного полотна в зависимости от графства, функционирования работных домов и т.д. Такая обширная юрисдикция связана с тем, что с конца XVII в. мировые судьи стали фактически полноправными управителями графств. Все гражданские и уголовные дела, кроме государственной измены, находились в их ведении²⁷. На протяжении первой половины XVIII в. «объем обязанностей и ответственности мировых судей и констеблей постоянно возрастал, достигнув уровня юрисдикции, охватывающей фактически все аспекты местного самоуправления»²⁸.

Отказываясь от логической схемы представления правового материала, автор (а за ним издатели) использовали алфавитный принцип расположения уголовных и административных правонарушений, руководствуясь исключительно утилитарными целями — для упрощения восприятия и оперативного использования. Сначала дается дефиниция слов, обозначающих суть рассматриваемого явле-

²⁷ См.: *Boyer L.M.* Op. cit. P. 317.

²⁸ Эрлихсон И.М. «Ради общего блага»: идейно-концептуальные основы британской полиции («Исследование причин участвовавших преступлений...» Генри Филдинга, 1751) // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 36.

ния с точки зрения их этимологии, а затем идет переход к нормативной части, приводятся ссылки на статуты и прецеденты из судебной практики, а также даются комментарии.

Подобный нетрадиционный для своего времени новаторский подход не мог не заинтересовать исследователей систем права, побудить к анализу и оценке. По мнению некоторых специалистов, «Государственное правосудие» Далтона представляет собой «стандартный справочник, организованный по принципу медицинского компендиума»²⁹. Б. Шапиро критикует руководство Далтона за эклектичный принцип организации материала, который не всегда классифицирован (систематизирован) должным образом, за многочисленные повторения и противоречия, затрудняющие трактовку правовых ситуаций³⁰. Однако, обратившись к базовому принципу историзма, предписывающему оценивать эпоху по ее внутренним законам, а не категориями другого века, задумаемся: насколько оправдана такая критическая оценка источников права прошлого в сравнении, например, с современным правовым тезаурусом?

М. Далтон предпринял попытку упорядочить правовую информацию и терминологию на основе юридических документов с учетом актуального теоретического и эмпирического знания. Он планомерно описывает все объекты и отношения между объектами, существующие в исследуемой предметной области, выносимой им в название главы, располагая их в алфавитном порядке. Несомненно, при нарушении алфавитного строя, естественным образом имевшем место быть при последующих переизданиях справочника, заданный изначально алгоритм поиска информации затруднялся. Можно предположить, что в том числе из-за этого каждое издание актуализировалось не только с точки зрения обновления законодательства, но и упорядочения презентуемого материала. В последнем издании 1746 г. издатель добавил приложение, где свел обширный материал в алфавитную таблицу «правонарушение / наказание» (*offences / penalties*), для того чтобы сделать «Государственное правосудие» максимально практико-ориентированным и удобным в использовании, что соответствовало первоначальному замыслу Далтона.

Пользуясь дескрипторами, правонарушение можно было фактически разбить на множество составляющих элементов, потенциальные комбинации которых и предстояло трактовать мировым судьям. Таких комбинаций могло быть бесчисленное множество, ведь изощренность криминальных биографий рассматриваемой эпохи

²⁹ *Barker C.A. American Convictions: Cycles of Public Thought, 1600–1850. Philadelphia, 1970. P. 196.*

³⁰ *Shapiro B.J. Op. cit. P. 155.*

стала для современников «притчей во языцех», для мастеров кисти и слова — источником вдохновения, а для поколений исследователей — предметом пристального изучения. Яркий источник рассматриваемого периода — «кровавый реестр негодяев» (*Bloody Register of Malefactors*), как называли современники «Ньюгейтский Календарь», — сохранил частные обстоятельства преступлений: мотивы преступника, ход следствия, показания свидетелей, потерпевшего и обвиняемого, вынесение приговора и приведение его в исполнение³¹. Это ценный альтернативный источник по истории права, в котором отразилась противоречивая практика исполнения действующих юридических норм на фоне историко-культурного контекста эпохи.

По формату и структуре «Ньюгейтский календарь» — это справочник о заключенных Ньюгейтской тюрьмы, содержащий биографические данные арестантов и описание способов совершения преступлений. Биографии преступников были шаблонными, в содержательном плане представляя последовательно изложенный набор элементов: жизнь, детали преступлений, признание, раскаяние и приведение приговора в исполнение. Тем не менее, «с помощью нарративных практик сохранялась память о тех, кто с точки зрения традиционной морали был недостойным для увековечения в архиве большой культуры: всё богатство социальных типов преступников от мелких мошенников до жестоких убийц с психопатическими наклонностями»³². Так как «Календарь» был продуктом коллективного творчества тюремных капелланов, журналистов, юристов, то биографии отличались разной степенью детализации, и в некоторых из них очень подробно описываются мотивы преступника, ход следствия, показания свидетелей, потерпевшего и обвиняемого, вынесение приговора и приведение его в исполнение.

Попробуем, пользуясь рекомендациями М. Далтона, рассмотреть зафиксированную в «Календаре» историю Артура Грея, представшего перед судом в декабре 1721 г. по обвинению во взломе и проникновении в жилой дом господина Джорджа Бэйли в приходе Сент-Джеймс, Вестминстер, с намерением изнасиловать Гритель,

³¹ Подробнее о «Ньюгейтском календаре» см.: *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England* / D. Hay, P. Linebaugh, J.G. Rule, E.P. Thompson, C. Winslow. London, 2011; *Hitchhock T., Shoemaker R.* London lives. Poverty, crime and making of modern city, 1690–1800. Cambridge, 2015; *Linebough P.* The London hanged: crime and civil society in the 18th century. New York, 2006; *McFlynn F.* Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989; *McKenzie A.* Tyburn's Martyrs: Execution in England, 1675–1775. Bloomsbury, 2007; *Spraggs G.* Outlaws and Highwaymen: the Cult of the Robber in England from the Middle Ages to the Nineteenth Century. Pimlico, 2001.

³² Эрлихсон И.М. «Ньюгейтский календарь»: психологическая реконструкция английской криминальной биографии XVIII столетия // Вестник Томского гос. университета. 2021. № 43. С. 173.

жену Александра Мюррея. По количеству страниц в двух томах «Календаря» привлекаемого нами издания Э. Нэппа кража со взломом занимает почетное второе место после убийства. И хотя «Календарь» не претендует на роль статистического источника, взлом действительно являлся одним из самых распространенных уголовных нарушений из категории «фелоний». Коснувшись этимологии понятия³³, Далтон перечисляет действия, которые могут быть квалифицированы как взлом: взломать форточку кинжалом или ножом, разбить окно и с помощью крючка вытащить вещи, проникнуть в дом через отверстие в потолке вне зависимости от того, является ли строение частным владением или общественным.

Главным условием квалификации преступления в качестве взлома является ночное время суток. «По мнению сэра Энтони Брауна, сэра Эдварда Монтагю, сэра Роберта Брука, возглавлявших Суд общих тяжб в последнее время, если человек пытается проникнуть в жилой дом ночью с умыслом ограбить и убить, при том что ему не удалось попасть внутрь, это полный и окончательный взлом»³⁴.

Суд установил, что около четырех часов утра 14 октября 1721 г. подсудимый вошел в комнату миссис Мюррей с кинжалом в одной руке и пистолетом в другой и пригрозил убить ее, если она издаст хотя бы звук. Затем злоумышленник положил кинжал на подушку и попытался стянуть с женщины ночную рубашку. Миссис Мюррей толкнула его к стене, вырвала пистолет и позвонила в колокольчик; после чего Грей убежал в свою комнату и кинулся на кровать, притворившись спящим. Из этого становится очевидным, что он проживал в том же доме, возможно, был слугой.

Присяжные, рассмотрев доказательства, признали Грея виновным *во взломе*, и вынесли смертный приговор; но, поскольку миссис Мюррей выступила с прошением о смягчении приговора, смертную казнь заменили на высылку в североамериканские колонии. Этот благородный жест спровоцировал целую волну слухов о том, «что Греем могли быть оказаны услуги, которые могли послужить основанием для того, чтобы он мог войти в комнату женщины в любое время»³⁵. Заканчивается биография традиционным для «Календаря» назидательным пассажем о пагубности незаконных утех и нарушении брачных обетов, а также предпочтительности целомудрия — добродетели, которую нельзя переоценить.

³³ Слово “burglary” происходит от французских слов *burg* (деревня) и *larron* (вор) и буквально означает “ограбление дома”.

³⁴ *The Country Justice*. P. 341.

³⁵ *The Newgate Calendar / By A. Knapp and W. Baldwin*. Vol. 1. London, 1824. P. 135.

Обратимся к Далтону. В ситуациях, когда взлом сочетался с другим видом преступления, как это случилось в истории Грея, по его утверждению, требовалось выяснить, в чем состоял первоначальный мотив правонарушителя. Так, если проникновение было совершено с целью избиения, то деяние квалифицировалось не как взлом, а как причинение вреда (*trespass*). Ночное вторжение с дальнейшим изнасилованием также, по логике Далтона, не являлось взломом, так как оно, по мнению таких авторитетов как У. Ламбард и Р. Кромптон, не являлось фелонией по общему праву, а только по статутному, в то время как Брэктон, Гленвилл, Стэмфорд полагали обратное³⁶.

Как мы видим, из текста «Государственного правосудия следует, что единства в данном вопросе среди теоретиков права не было, и это обстоятельство, безусловно, сказывалось на позиции самого Далтона. Б. Шапиро отмечала, что «... Язык Далтона носит скорее предположительно-рекомендательный, чем директивный характер. Он употребляет обороты “кажется справедливым и правильным”, “кажется самым безопасным” и т.п. ... Очевидно, что Далтон и сам не уверен, как далеко простираются и каким образом должны реализовываться полномочия мирового судьи, и потому зачастую опирается на личное представление о справедливости»³⁷.

Следовательно, проявленному присяжными гуманизму в отношении обвиняемого есть объяснения. «Законы Англии представляют великое разнообразие наказаний, которые, однако не соотносятся с градацией или степенью вины, но имеют характер произвола или чистой прихоти»³⁸, — писал вышеупомянутый сэр Джеймс Стивен. По данным В. Гэттрелла, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 000 человек, но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров³⁹. Подобный волюнтаризм в трактовке правовых норм довольно часто проявлялся в конкретных примерах судебной практики, о чем свидетельствует дело Артура Грея.

Взгляд на правовую систему Англии XVIII в. через призму двух уникальных источников позволяет отойти от традиционных представлений о «законодательстве кровавого кодекса» как «безликом нарративе, который ведет повествование от имени некоего трансцендентного субъекта (государства), наделенного разумом, волей,

³⁶ М. Далтон приводит цитату из трактата Генри Брэктона “*De legibus et consuetudinibus Angliae*”: «Некогда нарушителей девственности и непорочности, а также их пособников вешали. Однако в наше время это исполняется иначе» (*The Country Justice*. P. 343).

³⁷ *Shapiro B.J.* P. 156.

³⁸ Уголовное право Англии в кратком очерчении. С. 94.

³⁹ *Ibid.* P. 226.

силой»⁴⁰. В «Государственном правосудии» М. Далтона и «Ньюгейтском календаре» правовой нарратив облечен в иную форму. Фактически это проекция индивидуального восприятия правовой действительности из перспективы личного опыта, ценностей, верований, в зависимости от контекста и темпоральных условий. Безусловно, у каждого из них своя специфика, но есть ряд принципиальных моментов, обуславливающих их схожесть.

Во-первых, оба сборника пользовались исключительной популярностью, естественно, абсолютно разнопланового характера.

«Государственное правосудие» приобрело статус одного из самых авторитетных источников в области юриспруденции. Руководство М. Далтона, на протяжении полутора столетий меняющееся для удобства и практической пользы рядовых управленцев, вносило весомый вклад в обеспечение ежедневной работы системы правосудия, охраняющей интересы государства и граждан. М.Д. Шкиль абсолютно справедливо называет «Государственное правосудие» настольной книгой юристов и мировых судей⁴¹. О востребованности и прикладной пользе свидетельствует и то обстоятельство, что «Государственное правосудие» часто использовалось в юридической практике североамериканских колоний. «Колониальные ассамблеи принимали специальные постановления, призывающие ввозить те или иные книги. В акте, принятом в Вирджинии в 1666 г. (Virginia Act), значилось: “для соответствия судопроизводства этой страны английским законам следует закупать надлежащие книги. «Правосудие» Далтона вполне удовлетворяет этому намерению»⁴². Представители колониальной администрации зачастую были еще дальше от юриспруденции, чем мировые судьи метрополии. Поэтому удобное алфавитное руководство, не отягощенное пространными комментариями и углублением в теорию права, было востребовано в правоприменительной практике североамериканских колоний.

«Ньюгейтский календарь» без преувеличения можно назвать одним из самых коммерчески успешных издательских проектов. В XVIII в. он издавался шесть раз, в XIX в. — еще шесть, в XX в. — одиннадцать раз с вариациями в названии и содержании. Притягивая читателей интимными подробностями жизни преступников, ньюгейтские истории также выполняли назидательную функцию, напоминая о неизбежности наказания. Морализаторская составляющая создала «Календарю» репутацию чтения, возвышающего дух, и он нередко занимал почетное место на книжных полках англичан

⁴⁰ Самохина Е.Г. Указ. соч. С. 189.

⁴¹ Шкиль М.Д. Указ. соч. С. 178.

⁴² Boyer L.M. Op. cit. P. 323.

рядом с Библией. «Ньюгейсткий календарь» сыграл огромную роль в становлении криминологии, зародившейся в лоне литературных и этических рассказов о преступлениях и преступниках. «... Биографии преступников первоначально писались тюремщиками, а затем юристами, которые подробно описывали их жизнь, детали преступлений, признания, раскаяние и приведение приговора в исполнение...»⁴³.

Во-вторых, в обоих источниках принудительный аспект риторики права представлен очень выразительно. Но язык «Государственного правосудия» сух и формален, отражая подход к пониманию юриспруденции профессионала, принимающего непосредственное участие в создании правовой реальности. Презентуемый Далтоном и продолжателями его дела образ английского права — это не умозрительная концепция, состоящая из абстрактных мысленных конструкций, а отражение личного и профессионального опыта, сформировавшегося при прямом и косвенном столкновении с проявлениями правовой действительности.

В «Ньюгейтском календаре» право представало жестоким миром насилия и боли, по-разному воспринимаемыми теми, кто подвергался с его стороны принуждению, и теми, кто его применял, а истории, изложенные на его страницах, оказывали мощное воздействие на читательскую аудиторию, взывая к чувствам и формируя яркие визуальные образы.

«Правовые тексты — это материя, живущая в общении между людьми. Правовой текст способен принимать столь же бесконечное число разных обликов, сколько существует мнений, эмоциональных переживаний, способов мировоззрения. Иначе говоря, правовой текст — всегда нечто субъективное»⁴⁴. Выражаясь аллегорически, право — колесо, приводящее в движение механизм общественного бытия, что прекрасно иллюстрируется высказыванием немецкого правоведа Иосифа Карнера: «Формально-юридически они [правовые институты] представляются разделенными на параграфы, отпечатанными на всё выносящей бумаге... нормами, ведущими столь же абстрактное существование, как... золотой запас какого-нибудь банка, изображенный в банкноте... Но институт права регулирует фактические отношения живых людей... и представляет, как право вообще, только одну сторону их бытия»⁴⁵. Анализируемые источни-

⁴³ Уилсон Дж. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 10. 2016. № 3. С. 232.

⁴⁴ Антонов М.В., Патрикеева Е.А. Критика нарративной юриспруденции в работах Бьярна Мелкевика // Правоведение. 2012. № 1. С. 34.

⁴⁵ Цит по: Синченко Г.Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63) С. 66.

ки представляются идеальными объектами в свете положений нарративной юриспруденции, позволяющими интегрировать теоретические и практические аспекты реализации положений английского права в единое социокультурное пространство.

References

Antonov M.V., Patrikeyeva E.A. *Kritika narrativnoy yurisprudentsii v rabotakh B'yarna Melkevika* [A Critique of Narrative Jurisprudence in the Works by Bjarne Melkevik] // *Pravovedeniye*. 2012. N 1. P. 33–36.

Barker C.A. *American Convictions: Cycles of Public Thought, 1600–1850*. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1970. 632 p.

Boyer L.M. *The Justice of Peace in England and America from 1506 to 1776. A Bibliographic History* // *The Quarterly Journal of the Library of Congress*. Vol. 34. 1977. N 4. P. 315–326.

Drozdova A.V. *Vizualizatsiya povsednevnosti v sovremennoy mediakul'ture: dissertatsiya ... doktora kul'turologii* [Visualization of Everyday Life in Contemporary Media Culture: Doctor in Cultural Studies Dissertation]. Moscow: RGGU, 2017. 347 p.

Elkins J. *V chem su' narrativnoy yurisprudentsii?* [What is the Essence of Narrative Jurisprudence?] // *Pravovedeniye*. 2011. N 6. P. 194–207.

Erlikhson I.M. "Nyugeytskiy kalendar": *psikhologicheskaya rekonstruktsiya angliyskoy kriminal'noy biografii XVIII stoletiya* [The Newgate Calendar: Psychological Reconstruction of the 18th-Century English Criminal Biography] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. N 43. P. 55–61.

Erlikhson I.M. *Radi obshchego blaga: ideyno-kontseptual'nyye osnovy britanskoй politzii* ("Issledovaniye prichin uchastivshikhsya prestupleniy..." Henry Fildinga, 1751) [For the Common Good: The Ideological and Conceptual Foundations of the British Police (An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers... by Henry Fielding, 1751)] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2021. N 3. P. 34–48.

Flaherty D.H. *Criminal Practice in Provincial Massachusetts* // *Law in Colonial Massachusetts 1630–1800*. A Conference Held 6–7 November 1981 / Ed. by D.R. Coquillette. Boston: Colonial Society of Massachusetts, 1984. P. 357–360.

Gaskill M. *Witchcraft and Evidence in Early Modern England* // *Past and Present*. 2008. February. N 198. P. 33–70.

Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People. 1770–1868*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 634 p.

Gretton M.S. *Oxfordshire Justices of the Peace in the Seventeenth Century* / Oxfordshire Record Series. Oxford: [s. n.], 1934. 267 p.

Hull H.L. "Lowe and Lay Ministers of the Peace": *the Proliferation of Office Holding Manuals in Early Modern England* // *Renaissance Papers*. Published for the South-eastern Renaissance Conference / Ed. by C. Cobb. New York: Camden House, 2009. P. 37–55.

Le Goff J. *Yavlyayetsya li vse zhe politicheskaya istoriya stanovym khrebtom istorii?* [Is Politics Still the Backbone of History?] // *Thesis*. 1994. Issue 4. P. 177–192.

Mamurkina O.V. *Teoriya narrativa v sovremennom literaturovedenii* [Narrative Theory in Contemporary Literary Studies] // *Tsarskosel'skiye chteniya*. 2011. Vol. I. Issue XV. P. 226–230.

Michael Dalton // *Shaping the Common Law: From Glanvill to Hale, 1188–1688*. Essays by Thomas Garden Barnes / Ed. and with an introduction by A.D. Boyer. Stanford: Stanford University Press; Stanford Law Books. 2008, P. 136–151.

Putnam B.H. *Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. Oxford: Clarendon Press, 1924. 424 p.

Putnam B.H. *Sixteenth-Century Treatises for Justices of the Peace* // *The University of Toronto Law Journal*. Vol. 7. 1947. N 1. P. 137–161.

Samokhina E.G. *Pravo i narrativ. Predisloviye k lektzii J. Elkinsa “V chem sut’ narrativnoy yurisprudentsii?”* [Law and Narrative. A Preface to the J. Elkins’ Lecture of “What is the Essence of Narrative Jurisprudence?”] // *Pravovedeniye*. 2011. N 6. P. 186–193.

Shapiro B.J. *Beyond “Reasonable Doubt” and “Probable Cause”: Historical Perspectives on the Anglo-American Law of Evidence*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. 352 p.

Shkil’ M.D. *Mir i yego narusheniye v traktate Michaela Daltona “Mirovoy sud’ya”* [Peace and Its Violation in Michael Dalton’s Treatise *The Country Justice*] // *Materialy XL Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “Kurbatovskiyechteniya” (9–11 noyabrya 2020 g.)* [Proceedings of the 40th All-Russian Scientific Conference of Students, Postgraduate Students and Younger Scholars “Kurbatovskiyechteniya” (9–11 November 2020)]. Saint-Petersburg: Skifiya-print, 2021. P. 177–188.

Sinchenko G.Tch. *Yazyk prava. Stat’ya I. Prizrak mnogosloynnosti* [The Language of Law. Article I. The Ghost of Multilayeredness] // *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2016. N 4 (63). P. 63–70.

Stephen J.F. *A General View of the Criminal Law of England*. London; Cambridge: Macmillan and Co, 1863. 499 p.

Tepliyashin P.V. *Yevropeyskiye penitentsiarnyye sistemy (teoretiko-prikladnoye i sravnitel’no-pravovoye issledovaniye): dissertatsiya ... doktora yuridicheskikh nauk* [European Penitentiary Systems (Theoretical Applied and Comparative Legal Research): Doctor of Law Dissertation]. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 2018. 496 p.

Tyupa V.I. *Na puti k istoricheskoy narratologii* [On the Way to Historical Narratology] // *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2020. N 3 (54). P. 32–55.

Ugolovnoye pravo Anglii v kratkom ochertanii. Sochineniye Dzh. Fits-Stifena [A General View of the Criminal Law of England. A Work by J. Fitz-Stephen] / Trans. by V. Spasovich. Saint-Petersburg: V. Kovalevskiy, 1865. 610 p.

Vasil’yeva S.A., Erlikhson I.M. “*Novaya kul’turnaya istoriya*” (o perspektivakh metodologii “*intellektual’noy istorii*” i “*istorii sotsial’nykh praktik*” v mezhdistsiplinarnykh istoriko-penologicheskikh issledovaniyakh) [“New Cultural History” (On the Perspectives of the Methodology of “Intellectual History” and “History of Social Practices” in Interdisciplinary Studies of History of Penology)] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina*. 2017. N 3 (56). P. 49–56.

Wilson J. *Slovo “kriminologiya”: filologicheskoye issledovaniye i opredeleniye* [The Word Criminology: A Philology and a Definition] // *Aktual’nyye problemy ekonomiki i prava*. Vol. 10. 2016. N 3. P. 227–251.

Поступила в редакцию
31 октября 2021 г.